

УДК 323.22/28

Мусаев В. И.

д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
С.-Петербургского института истории РАН
(г. Санкт-Петербург)

Специфика советской национальной политики в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1941–1953 гг.)¹

В период Великой Отечественной войны произошли изменения в советской национальной политике, задача которой заключалась в сплочении народов страны в борьбе с внешним врагом. Это выразилось, прежде всего, в усилении пропаганды дружбы народов Советского Союза. Параллельно эксплуатировался русский и в целом восточнославянский фактор, акцент делался на исторических связях славянских народов и традиции их борьбы с немецкими захватчиками. Также была пересмотрена церковно-религиозная политика в сторону некоторой либерализации. С другой стороны, ряд национальностей подвергся репрессиям по подозрению или по обвинению в коллаборационизме. Национальные депортации 1941 г. и 1943–1944 гг. явились логическим продолжением подобного рода операций середины – второй половины 1930-х гг., однако теперь они имели совершенно откровенный характер репрессий по сугубо этническому признаку (в противоположность завуалированности социально-политической риторикой, характерной для 1930-х гг.).

Ключевые слова: война, национальная политика, патриотизм, национальные преследования, депортации.

The article deals with the Soviet ethnic policy after 1941, which underwent significant alterations under the war conditions. Goal of this policy was consolidation of all Soviet peoples for struggle against the enemy. It manifested itself mainly in intensification of propagating friendship of the peoples of the Soviet Union, as well as in exploiting the Russian and the Slavic factor as a whole, stress being made upon historic links between the Slavic peoples and traditions of their struggle against the German invaders. The religious policy was also revised in the sense of some liberalization. On the other hand, some peoples underwent oppressions on suspicion or accusation of collaborationism. National deportations of 1941 and 1943–1944

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этно-конфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование», при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00119.

looked like logical continuation of the operations of the similar kind, carried out in the middle and the second half of the 1930s, but this time they had quite outspoken character of persecutions on purely ethnic grounds, while in the 1930s such actions had been disguised with social-political rhetoric.

Keywords: war, national policy, patriotism, national persecutions, deportations.

Нападение нацистской Германии на СССР в июне 1941 г. неизбежно повлекло за собой, помимо прочего, и появление новых черт в национальной политике, которая также должна была служить целям мобилизации масс на фронте и в тылу на борьбу с врагом. Была усилена пропаганда советского патриотизма и дружбы советских народов. Параллельно наблюдалось выделение русского и в целом восточнославянского национально-патриотического фактора, акцент делался на исторической связи славянских народов и их вековой борьбе с немецкими захватчиками, в пропаганде активно использовались героические страницы истории русского народа. По мнению исследователя советской национальной политики в годы Великой Отечественной войны Ф. Л. Синицына, это не свидетельствовало о коренной перестройке государственной идеологии: «Национальные чувства были для коммунистической власти СССР лишь своеобразным “меньшим злом”, которое следовало использовать ради достижения высокой цели – наиболее эффективной мобилизации народа на борьбу с врагом» [16, с. 43].

Одновременно началось культивирование ненависти к захватчикам. По приказу Главного политического управления от 10 декабря 1941 г., в армейских печатных изданиях лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» заменялся на лозунг «Смерть немецким оккупантам!», такая же замена производилась на знаменах воинских частей [16, с. 40]. Идеология ненависти к немецким оккупантам распространялась средствами литературы и публицистики – достаточно вспомнить хорошо известные высказывания А. Н. Толстого, К. М. Симонова, И. Г. Эренбурга. В то же время, чтобы не допустить уклона в шовинизм и откровенную германофобию, в вопросе отношения к немецкому народу советскому руководству приходилось балансировать. В речи, произнесенной 23 февраля 1942 г., И. В. Сталин уточнил, что у Красной Армии «нет и не может быть расовой ненависти к другим народам, в том числе и к немецкому народу». Выступая 1 мая того же года, он отмечал, что «для германского народа всё яснее становится, что единственным выходом из создавшие-

гося положения является освобождение Германии от авантюристической клики Гитлера–Геринга» [17, с. 46, 52–53].

Интересно также отметить возвращение в начальный период войны к практике формирования национальных частей в составе Красной армии. Впервые такая практика стала применяться во время первой мировой войны, когда в составе русской армии были сформированы Кавказская туземная дивизия, чехословацкая дружина, переформированная затем в корпус, латышские стрелковые батальоны и сербская дивизия. Затем национальные части широко применялись красными во время гражданской войны (латышские, эстонские, финские, венгерские, башкирские и другие батальоны, бригады и полки). В 1920-е – 1930-е гг. от такой практики в советском военном строительстве отошли. Единственное исключение составила тогда Карельская егерская бригада (имевшая, впрочем, не столько национальный, сколько территориальный характер), которая, однако, в середине 1930-х гг. была распущена, при этом часть её командного состава подверглась репрессиям по обвинениям в национализме и шпионаже [18, с. 98–99].

Причина, побудившая советское командование осенью 1941 г. возродить практику формирования национальных подразделений, заключалась в том, что по мере расширения призыва в действующую армию в составе призывных контингентов обнаружилось немало людей, слабо или совсем не владевших русским языком. Поэтому важно было наладить работу с личным составом на родном языке. Другим фактором был идеологический – требовалось продемонстрировать вклад отдельных народов в борьбу с оккупантами. Всего было сформировано два национальных стрелковых корпуса, 21 стрелковая и 20 кавалерийских дивизий, ряд бригад, полков и батальонов, общей численностью около 770 тыс чел [8, с. 34]. Однако уже в 1942 г. началось расформирование национальных частей. Вызвано это было, прежде всего, тем, что по мере обучения бойцов военному делу и русскому языку надобность в таких соединениях отпадала. Тогда же был отменен призыв в действующую армию для ряда малочисленных национальностей. Отзыв с фронта представителей некоторых других народов (например, увольнение в запас в марте 1942 г. чеченцев и ингушей, перевод в тыловые части финнов) был связан с сомнениями в их лояльности. Были сохранены лишь литовская и латышская стрелковые дивизии и эстонский стрелковый корпус, в чём опять же не последнюю роль сыграли идеологические соображения: противопоставить эти формирования легионам «Ваффен СС» и другим прибалтийским частям на

службе вермахта и показать, что далеко не всё население Прибалтики поддерживает немецких оккупантов [10, с. 117–122].

Период Великой Отечественной войны был ознаменован рядом новых национальных депортаций. Они могут быть разделены на два этапа. На первом этапе – во второй половине 1941 г. и отчасти в 1942 г. – высылкам с неоккупированных территорий подверглись этнические немцы и представители «титულных» национальностей других государств, участвовавших в войне на стороне Германии (таковых, впрочем, за исключением финнов, на советской территории было очень немного, к тому же они проживали в основном в западных областях страны, в первые же дни войны оккупированных немцами (венгры, словаки, румыны), и в отношении их применить такие меры просто не успели). Самым масштабным мероприятием в этом ряду была ликвидация Автономной Республики немцев Поволжья, образованной в конце 1923 г. Это было сделано на основании указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья» от 28 августа 1941 г. В соответствии с этим указом, в сентябре – октябре из ликвидируемой республики было депортировано около 440–445 тыс. чел. (по различным данным – 446 480 или 438 280), которые были отправлены в отдаленные районы Казахстана, Средней Азии и Западной Сибири [6, с. 27–46]. В последующие месяцы депортации коснулись почти всего немецкого населения, проживавшего в областях Европейской России, не занятых вермахтом. Из Ленинграда и Ленинградской области выселению, помимо немцев, подверглись также финны (Финляндия вступила в войну на стороне Германии 26 июня 1941 г.). 26 августа 1941 г. последовало постановление Военного Совета Ленинградского фронта «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения Ленинградской области». Поскольку из-за стремительного немецкого наступления и установления блокады Ленинграда полностью выполнить это постановление не удалось, 20 марта 1942 г. было принято повторное постановление ВС Ленфронта о высылке оставшихся внутри блокадного кольца финнов и немцев. Согласно справке УНКВД по Ленинградской области от 1 октября 1942 г., из Ленинграда и пригородных районов было выселено в общей сложности 58 210 финнов и немцев [13, с. 288–291]. Всего в годы войны было переселено до 950 тыс этнических немцев [7, с. 94].

Второй этап национальных депортаций начался с осени 1943 г. после освобождения территорий с этнически смешанным населением от немецкой оккупации. Эти депортации проводились на основе обвине-

ний целых народов в коллаборационизме. В принципе коллаборационизм имел место на всех оккупированных территориях, в нем были замешаны представители самых разных национальностей. Однако некоторым этносам была приписана особая склонность к предательству. В ряде районов Северного Кавказа ещё до прихода немецких войск широких масштабов достигло антисоветское повстанческое движение. Диверсионные и террористические акции продолжались здесь и после отступления немцев. Это обстоятельство также сыграло свою роль в принятии решений о депортациях.

Первыми депортации подверглись карачаевцы – на основании постановления СНК СССР от 14 октября 1943 г. В декабре 1943 г. Президиумом ВС СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «о ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Проживающее на данной территории калмыцкое население, а также население в граничивших в Калмыкией регионах, подлежало переселению в Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области. Операция по депортации калмыков, проводимая правительством 28–29 декабря 1943 г., носила секретное название «Улусы». Высылки продолжались в 1944 г. Решение о депортации чеченцев и ингушей принималось советским руководством еще в феврале 1943 г. Однако проведение соответствующей операции началось в конце февраля 1944 г. Наконец, в марте того же года была проведена операция по выселению балкарцев [16, с. 261–264]. Всего с Северного Кавказа на поселение в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь в 1943–1944 гг. было выслано до 640 тыс чел [20, с. 62]. В одном из исследований указано число сосланных в Казахскую и Киргизскую ССР жителей Северного Кавказа – 602 193 чел., из них 496 460 чеченцев и ингушей, 68 327 карачаевцев, 37 406 балкарцев [2, с. 53]. Калмыков на начало января 1944 г. было депортировано 93 139 чел [16, с. 262].

Последними в ряду массовых депортаций были выселения из Крыма. Следует заметить, что коллаборационизм среди крымских татар действительно был широко распространен. Однако наказание за это поголовно всего народа выглядит явно неадекватной мерой. 2 апреля и 11 мая 1944 г. ГКО издал постановления о выселении крымских татар из Крымской АССР в Узбекскую ССР. Соответствующая операция была проведена с 18 по 21 мая. При этом татары переселялись не только из Крыма, но и из Ростовской области и Краснодарского края. В то же время, из Крыма, вслед за татарами, летом 1944 г. подверглись выселению этнические болгары, греки и армяне. Всего на 4 июля 1944 г. из Крыма

были выселены 183 155 крымских татар, 12 422 болгар, 15 040 греков, 9621 армянин, 1119 немцев (большую часть немцев – жителей Крыма выселили с полуострова ещё до оккупации, в 1941 г.), 3652 «иноподанных», а также «изъято» 7833 человек «антисоветского элемента» [16, с. 265]. Надо, впрочем, заметить, что подобные «операции» были характерны не только для тоталитарного сталинского режима. Западные демократии в условиях войны поступали абсолютно так же. В Великобритании после начала второй мировой войны интернированию подверглись все лица немецкого происхождения. Власти США после японской атаки на Пирл-Харбор выселили всё коренное население с Алеутских островов, которое было размещено на юго-востоке Аляски. В феврале 1942 г. президент Ф. Рузвельт подписал приказ о выселении из западных прибрежных штатов всех этнических японцев (ок. 110 тыс. чел.), которых поместили в специальные лагеря в центральной части США [15, с. 382].

Обращает на себя внимание некая избирательность, проявленная при проведении депортаций: часть народов, оказавшихся целиком или полностью в оккупации, была подвергнута депортации, других же эта участь миновала. В этой избирательности просматривается определенный этно-лингвистический оттенок. В частности, чеченцы и ингуши составляют особую группу в составе Иберо-Кавказской языковой семьи (нахскую). На Северо-Западном Кавказе оба депортированных в 1943–1944 гг. народа – карачаевцы и балкарцы – относятся к народам тюркской группы, тогда как проживавшие по соседству адыгские этносы – адыгейцы, черкесы и кабардинцы – были пощажены. При этом Адыгейская автономная область, в отличие, например от Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, или Калмыцкой АССР, оккупированных частично, была в 1942 г. оккупирована полностью. Авторы работы «Земля адыгов» утверждают, что и в отношении адыгов органами НКВД также готовился проект высылки. В частности, на май–июнь 1944 г. намечалась депортация кабардинцев. Однако И. В. Сталин якобы лично пресек подобные намерения, заявив: «Без адыгов Кавказ – не Кавказ» [11, с. 71]. Нахские этносы пострадали, по-видимому, за свою традиционную непокорность: в Чечено-Ингушетии сопротивление советской власти и в довоенное время было особенно упорным. Особое же недоверие именно к тюркским этносам было, возможно, отчасти связано с учетом потенциальной турецкой угрозы (Турция соблюдала нейтралитет в ходе второй мировой войны, однако до конца 1942 г. он имел в большей степени прогерманский характер) и слухов о пантюркистских

претензиях турецкого руководства. В Балкарии местные националисты взяли курс на отделение своей части автономии от Кабарды и объединение с Карачаем, чтобы создать из них государственное образование под турецким протекторатом [5, с. 164]. По всей видимости, именно с турецким фактором была связана и очередная «чистка» пограничной полосы Грузинской ССР, из которой, в соответствии с постановлением ГКО от 31 июля 1941 г., в сентябре – ноябре того же года были высланы более 90 тыс. турок-месхетинцев, курдов и хемшинов: в обоснование этой меры в докладной записке Л. П. Берии И. В. Сталину отмечались «связь населения родственными отношениями с жителями Турции, проявление эмиграционных настроений, занятие контрабандой, шпионаж» [16, с. 265–266].

Депортации сопровождалась изменениями административно-территориального деления. Калмыцкая, Чечено-Ингушская АССР, Карачаевская АО были упразднены, Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую, Крымская АССР, утратившая после выселений свой полиэтничный характер, была преобразована в область. Территории упраздненных автономных образований были поделены между соседними областями, краями и республиками. К примеру, часть районов бывшей ЧИАССР составили новообразованную Грозненскую область, остальные были переданы в состав Дагестанской и Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР. Прилагались усилия для того, чтобы стереть саму память о депортированных народах. Ряд районов и населенных пунктов в местах их прежнего расселения подверглись переименованиям (новые названия давались в основном русские, на территориях, переданных в состав Грузии и Северной Осетии – соответственно грузинские и осетинские). Уничтожению подвергались кладбища и памятники культуры депортированных народов, как древние (крепости, башни, мечети, усыпальницы), так и более современные (например, в Грозном был даже снесен памятник чеченскому герою борьбы за советскую власть А. Шерипову). Упоминания о высланных народах исчезли из литературы, в частности, из изданий справочного характера и с географических и этнографических карт. Национальная литература депортированных народов изымалась из обращения и либо уничтожалась, либо переводилась на спецхранение. Для заселения и освоения опустевших в результате депортаций территорий организовывались кампании по переселению из других республик и областей – преимущественно из соседних, но также и из более отдаленных [20, с. 80–106].

В конце войны и в первые послевоенные годы проводились высылки членов националистического подполья и прочих противников советской власти (или лиц, сочтенных таковыми) из Прибалтики, Западной Украины и других освобожденных от немецкой оккупации территорий. По итогам Великой Отечественной войны, по данным Ф. Л. Сеницына, с исторически сложившихся территорий проживания в СССР было депортировано: немцев – 949 829 чел., чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев – 608 749 чел., калмыков – 91 919 чел., крымских татар, болгар, греков и армян – 228 392 чел., турок-месхетинцев, курдов и хемшинов – 94 955 чел., «немецких пособников» и фольксдойче – 5914 чел. В конце войны и после неё было выслано: членов семей участников ОУН – 100 310 чел. (1944–1947 гг.), членов секты «Истинно-православные христиане» – 1502 чел. (1945 г.), членов семей повстанцев из Литвы – 49 331 чел. (1945–1948 гг.) [16. с. 266–267].

Высланные с Северного Кавказа, из Крыма и Калмыкии этносы до середины 1950-х гг. проживали в разных районах Казахской, Узбекской, Киргизской, Таджикской ССР (в последней – считанные единицы), в нескольких областях и автономных республиках РСФСР на режиме спецпоселения. Очевиден ущерб, нанесенный этим этносам в результате депортаций и пребывания на спецпоселении в отрыве от родных мест. Были понесены существенные людские потери: смертность была высокой как в ходе самой депортации, так и на местах высылки, особенно в первые годы. Немалый вред был нанесен высланным народам и в области их этнокультурного развития, поскольку они были вырваны из среды своего традиционного обитания, в ссылке не имели возможностей для поддержки своих языков (прежде всего из-за отсутствия школьного обучения на родном языке) и культурных традиций. При этом разговоры о сознательном геноциде депортированных народов едва ли уместны: цель их физического уничтожения не ставилась. Следует согласиться с выводами В. Г. Шнайдера: «Действия государства в отношении депортированных народов, очевидно, не содержали намерений прямого их геноцида, если подразумевать под этим физическое уничтожение или создание условий для постепенного вымирания» [20, с. 140].

Специфический национальный оттенок имела и послевоенная политика освоения новых территорий, присоединенных в 1940-е гг. в результате войн с Финляндией, Германией и Японией. К ним относились Выборгская и Ладужская Карелия, Калининградская область – часть (меньшая) бывшей немецкой Пруссии, Южный Сахалин и Курильские острова. Местное население, не успевшее или не пожелавшее

эвакуироваться в ходе военных действий, было выслано за границу. Из бывшей финской Карелии выселять жителей, впрочем, не предполагалось, однако они сами эвакуировались почти поголовно, включая и этнических русских. На территориях, переданных Финляндией СССР по условиям Московского мира, из более чем 400 тысяч жителей остались считанные сотни. Вербовка новых переселенцев для этих территорий проводилась преимущественно среди славянского населения – в российских и белорусских областях. Это касалось даже Приладожья, включенного в состав Карело-Финский ССР: сюда поселенцы также завозились из России и Белоруссии, тогда как карелам и финнам доступ в эти районы был по существу закрыт (Карельский перешеек с Выборгом, в 1940 г. также присоединенный к Карелии, в 1944 г. был передан в состав Ленинградской области РСФСР). Вариант присоединения доставшейся СССР части Восточной Пруссии к Литовской ССР был отвергнут (хотя основания для такого решения в принципе имелись: этно-лингвистическое родство коренного населения края – пруссов – с литовцами, наличие литовского населения в довоенной Пруссии), и она составила новую область в составе РСФСР, с основной территорией которой не имела границы. В конце 1940-х гг. на вновь присоединенных территориях были проведены кампании топонимических переименований (это не коснулось только Приладожья, где финские названия были сохранены). Новые названия, звучавшие по-русски, в подавляющем большинстве никак не были связаны с прежними и вообще с историей того или иного края и изобретались, как правило, совершенно произвольно [1]. Ученые – историки и этнографы привлекались к выполнению задач по подтверждению славянского прошлого присоединенных областей – для обоснования прав СССР и конкретно России на эти территории [12]. Во втором издании Большой Советской Энциклопедии Восточная Пруссия даже была названа древней землей «прибалтийских славян» [3, с. 426].

Несколько иначе дело обстояло в еще одной присоединенной области – в Закарпатье. Эта область (бывшая Подкарпатская или Угорская Русь), которая ранее входила в состав габсбургских владений, в 1920-е – 1930-е гг. была частью Чехословакии, в 1938 г., в ходе раздела Чехословакии, была присоединена к Венгрии, а летом 1945 г. была передана СССР. В начале 1946 г. присоединенная территория составила Закарпатскую область в составе Украинской ССР. Отсюда не проводилось сколько-нибудь масштабных принудительных выселений, и традиционный для области полиэтничный характер населения сохранился. Одна-

ко в последующие годы властями прилагалось немало усилий для интеграции области в состав УССР: проводилась кампания украинизации коренных жителей области – русинов, поощрялись переселения из соседних западно-украинских областей, литературный украинский язык насаждался в сфере образования и культуры. Примерно это же можно сказать о Северной Буковине, присоединенной к СССР ещё раньше, в 1940 г., и составившую Черновицкую область в составе УССР.

В целом, национальная политика Советского государства на данном этапе не претерпела фундаментальных изменений по сравнению с предыдущим. Из особенностей, связанных с влиянием военного фактора, можно отметить дальнейшую консолидацию статуса русского этноса как «первого среди равных», вынесшего на своих плечах основную тяжесть войны. При этом И. В. Сталин и другие партийные и государственные руководители в своих речах и статьях никогда не забывали отметить вклад всех народов страны в общую победу, подчеркнуть значение интернационализма и дружбы народов. В этот же контекст органично вписывалась и некоторая реабилитация религии и церкви, в первую очередь православной: прекращение антирелигиозной и антицерковной пропаганды, освобождение большого числа священников из заключения, разрешение провести выборы патриарха, открытие храмов и др. (подробно см.: [9, 14, 19]). Национальные депортации 1941 г. и 1943–1944 гг. также явились логическим продолжением подобного рода операций середины – второй половины 1930-х гг., однако теперь они имели совершенно откровенный характер репрессий по сугубо этническому признаку, в противоположность завуалированности социально-политической риторикой, характерной для 1930-х гг.

Список источников и литературы:

1. Балашов Е. А. *Метаморфозы топонимики Карельского перешейка: кратко исследование по этимологии географических названий*. СПб.: «Нива», 2003. 131 с.
2. Беджанов М. Б. *Ленинская национальная политика и её деформация в годы сталинщины*. Майкоп: «Меоты», 1994. 60 с.
3. *Большая Советская Энциклопедия*. 2-е изд. Т. 19. М.: Большая советская энциклопедия, 1953. 608 с.
4. Бугай Н. Ф. *Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории*. 1990. № 7.
5. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. *Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы)*. М.: «Инсан», 1998. 368 с.

6. Герман А. А. Исторический феномен Республики немцев Поволжья (1918–1941 гг.) // Российская история. 2012. № 4. С. 27–46.
7. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: «Наука», 2005. 306 с.
8. Иванов В. Е. Национальные воинские части в СССР. Екатеринбург: АМЛИКС, 1996. 173 с.
9. Кашеваров А. Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917–45 гг. СПб.: СПбГТУ. 1995. 138 с.
10. Кирсанов Н. А. Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. // Отечественная история. 1995. № 4.
11. Кринко Е. Ф. Национальная политика и межнациональные отношения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: историография, проблемы // Гуманитарная мысль Юга России. Краснодар, 2005. № 1.
12. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: АН СССР, 1951. 285 с.
13. Мусаев В. И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX вв. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. 450 с.
14. Одинцов М. И., Кочеткова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 317 с.
15. Сим Хон Енг. Депортация народов: международный аспект проблемы // Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений. М.: «Наука», 1999. С. 377–384.
16. Сеницын Ф. Л. Национальная политика СССР в Великой Отечественной войне. Пермь, 2009.
17. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1952. 208 с.
18. Такала И. Р. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991.
19. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и Советское государство в 1943–64 гг.: От «перемирия» к новой войне. СПб.: Изд-кое объединение ДЕАН+АДИА-М, 1995. 216 с.
20. Шнайдер В. Г. Советская национальная политика и народы Северного Кавказа в 1940 – 1950-е гг. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2009. 236 с.